

Е. Э Бертельс

**Очерк истории Персидской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Е11

Е11 **Е. Э Бертельс**
Очерк истории Персидской литературы / Е. Э Бертельс – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 205 с.

ISBN 978-5-458-23667-6

Чтение курса по истории персидской литературы в Ленинградском Восточном Институте имени А. С. Енукидзе в течение ряда лет встречало большие затруднения в связи с отсутствием подходящих пособий на русском языке. Задачи Института заставляли обращать главное внимание на литературу нового времени, классический период рассматривался в весьма сжатом виде, поскольку без знакомства с основными течениями его нельзя получить правильное представление о литературе новой, являющейся его логическим продолжением. ... Настоящая небольшая книга написана с целью дать слушателям ту опору, отсутствие которой они все эти годы так болезненно ощущали.

ISBN 978-5-458-23667-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мился дать образец стиля *каждого* упомянутого автора, ибо это чрезвычайно увеличило бы объем книги. Я останавливался только на тех авторах, привести образец произведений которых мне было нужно в подтверждение для данной мною характеристики. Кроме того я воздерживался от приведении образцов тех авторов, отрывки из произведений которых уже имеются в переводе в трудах А. Е. Крымского и в сборнике «Персидские лирики X—XV вв.», составленном акад. Коршем, (Москва, 1916).

Л. 23 X 1926.

Принятая в настоящей работе транскрипция арабского шрифта.

Согласные:

ء	'	ر	Р	ف	Ф
ب	б	ز	з	ق	Қ
پ	п	ژ	ж	ک	к
ت	т	س	с	گ	г
ث	џ	ش	ш	ل	л
ج	дж	ص	џ	م	м
چ	ч	ض	з	ن	н
ح	х	ط	т	و	в
خ	х	ظ	з	ه	х
د	д	ع	'	ی	й
ذ	з	غ	г		

Гласные:

ا	а	ا	и	ا	у
ا	ā	ا	ī	ا	ū

Долгота гласных указывается во всех тех случаях, когда это необходимо для восстановления начертания слова арабским шрифтом. Долгота конечного *ی*, которое *всегда* является долгим не обозначена. При этом транскрипция выдержана не всегда — есть отступления в угоду утвердившимся в нашей востоковедной литературе начертаниям. Педантичное проведение единой транскрипции пока едва ли осуществимо и во многих случаях повело бы к весьма необычным для глаза начертаниям. Вопрос этот крайне сложен и на разрешение его в ближайшем времени рассчитывать трудно. Здесь мне приходилось стремиться к тому, чтобы читатель, не знакомый с восточными языками, все-таки мог произнести приводимые имена более или менее правильно и это обстоятельство еще более усложняло вопрос о начертании.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Когда мы говорим о персидской литературе, мы обыкновенно имеем в виду литературу на так называемом «новоперсидском» языке, ставшем литературным языком Персии около IX века п. Р. X. и остающемся таковым и поныне. Богатство и художественная ценность этой литературы постепенно заставили весь Передний Восток, а отчасти и Индию и Центральную Азию, подпасть под ее влияние и даже Запад весьма многое у нее позаимствовал. Поэтому, понятно, что она заслоняет собой в наших глазах первые фазы развития художественного слова в Иране, развития, длившегося более десяти веков и давшего нам целый ряд ценных и интересных памятников. Новоперсидская литература почти вся стоит под знаком Ислама, она является характернейшим продуктом столкновения идей мусульманской теологии с великой, но одряхлевшей культурой старого Ирана. Прививка идей Ислама к увядавшему кусту иранского мировоззрения дала возможность распуститься этому пышному яркому цветку, аромат которого не страшится пыли веков и будет пленять человечество, пока только оно сохранит способность воспринимать красоту и наслаждаться совершенством творческой мысли. Но хотя Ислам послужил внешним поводом к появлению этой литературы, однако, без предварительной подготовки на чисто-иранской почве, она никогда не могла бы сложиться. Под наслоением новых мыслей, новых верований и нового мирозерцания скрываются древние традиции старого Ирана, вошедшие в кровь и плоть перса, как бы связанные с самой территорией поселения иранских племен. И если мы не всегда в состоянии проследить этот чисто «иранский» субстрат в мусульманско-

персидской литературе, то виной этому только недостаточное знакомство с персидской словесностью до-мусульманского периода. Историческая трагедия — гибель огромного государства под натиском иноплеменных завоевателей — разрушила не только внешний, политический строй; она смела на своем пути и целый ряд памятников как материальной, так и духовной культуры и, в результате, до нас дошли только обломки, жалкие остатки, на основании которых нам приходится строить свои представления об этих первых фазах литературной жизни старого Ирана. Даже самый язык изменился и принял в свой словарь вместе с чужим, не приспособленным для передачи его звуков алфавитом, бесконечный ряд заимствований из языка победителей, пытаясь самый синтаксис перестроить по образцу чужого, не имеющего ничего общего с языком покоренных языка.

Но, в конце концов, иранский дух все-таки восторжествовал. Стремительное, бурное развитие ново-персидской литературы завоевывало себе все больший и больший круг влияния и первой подпала ему та самая нация, которая политически покорила Иран. Арабская литература, первые века после покорения Ирана занимавшая первое место на всем Переднем Востоке, склонилась перед творчеством Ирана, пропиталась и прониклась его духом и потребовались долгие годы развития для осознания этого факта и национальной реакции со стороны арабов. Если такова была судьба достигшей великого совершенства и высшей законченности арабской литературы, то вполне понятно, что молодые народы, только начинавшие приобщаться к культурной жизни, как турки, вполне должны были подпасть под влияние Персии, переняв не только техническую сторону, но и всю по существу совершенно чуждую им идеологию ее. Персидская литература на Переднем Востоке, в мире Ислама, становится литературой *par excellence*, вне ее творчество начинает казаться немыслимым.

Такова роль персидской словесности на мусульманском Востоке, в этом ее культурное значение. Но приступить к обзору

этой литературы мы можем не иначе как с рассмотрения до-мусульманских фаз ее развития, ибо в них таится ключ для надлежащего понимания весьма многих особенностей персидского творчества.

Литература старого Ирана.

Какой именно из дошедших до нас памятников литературы до-мусульманского Ирана подлежит признать древнейшим, к сожалению, до настоящего времени с полной уверенностью сказать трудно. Дело в том, что литература этой фазы распадается на две отдельные группы, пользующиеся для выражения своих мыслей двумя близкими, но все же довольно сильно различающимися диалектами: одна из этих групп может быть совершенно точно датирована и локализована географически — это надписи на скалах, сделанные Ахеменидскими правителями Ирана — для другой, так называемой Авесты, священных книг религии Заратустры ни точная датировка, ни географическая локализация донныне не возможны. Есть все основания предполагать, что древнейшие части Авесты относятся к эпохе, значительно более ранней, нежели самые старые из клинописных надписей, но, с другой стороны, доказать это положение почти невозможно, более того, нельзя даже положительно утверждать, что Авеста в эту эпоху действительно была кодифицирована. В ее современном виде она безусловно должна быть отнесена к правлению Сасанидов, т. е. почти на семь столетий после Ахеменида Дария. Таким образом, рассмотрение литературных памятников Ирана удобнее начинать именно с этих надписей. Собственно говоря, литературное значение их невелико, интерес они представляют, главным образом, для лингвиста и историка — однако, некоторые типичные черты иранской мысли содержатся уже и в них и поэтому нам надо в нескольких словах коснуться их.

Надписи Ахеменидов представляют собой большей частью Клинопись.
перечисления побед и славных деяний владык Ирана и высечены

так называемыми клинообразными письменами на неприступных скалах. Можно предположить, что идею этих надписей Ахемениды позаимствовали у ассиро-вавилонских правителей. Стиль надписей дает возможность проследить известное влияние с этой стороны. Однако уже в самом принципе письменность эта представляет собой значительное отличие от ассиро-вавилонского письма. Пользуясь ассирийскими знаками, персы отбросили syllабическую систему ассирийцев и создали алфавит, таким образом значительно упростив и облегчив сложную и трудную систему своих предшественников. Надписи эти отличаются простым благородным стилем, лишенным вычур и украшений. Характерной чертой их является склонность к повторению известных формул, на наш взгляд вызывающая некоторую монотонность, но придающая этим надписям мощный, медлительный темп. При чтении невольно встает перед глазами грозный облик восточного деспота, властелина над жизнью и смертью своих подданных, одним мановением сухой, жилистой руки целые страны обращающего в пустыни, уводящего в плен целые народы, истребляющего нации. В большой надписи Дария на Бехистунской скале читаем:

«Был перс именем.....— мой слуга. Я послал его в....., так сказал я ему: «Ступай! Войско, отправшее от меня и не называющее себя моим, порази!» И он пошел».

Эта формула повторяется несколько раз совершенно одинаково, меняется только имя полководца и название восставшей местности. Далее следует краткое сообщение о том, как, получив приказ, полководец пошел и уничтожил восставших. Формула одинакова, ибо для Ахеменидов индивидуальных различий нет — есть раб, который должен повиноваться, ему приказано победить и он побеждает. Надписи показывают, что Ахемениды исповедовали религию Заратустры, однако, несмотря на незначительный объем их, можно установить, что исповедовавшаяся Ахеменидам религия несколько отличалась от той формы, в которой она зафиксирована в Авесте. Литературное значение

этих памятников, как уже сказано, невелико, главная ценность их в том, что они сохранили древнюю форму языка Западного Ирана и дают таким образом возможность проследить эволюцию персидского языка от древнейших времен.

Не может претендовать на литературное значение и Авеста¹ — остаток священных книг древнего Ирана. Правда содержание ее значительно более разнообразно, некоторые места не лишены даже известного поэтического достоинства, но в общем это все-таки книга, чтение которой отнюдь не может доставить удовольствия читателю. Может быть, виной тому бурная история Персии, в результате которой большая часть этой книги погибла, так что до нас дошло всего около одной седьмой ее. По преданию полный текст Авесты был начертан золотыми письменами на особо приготовленных воловьих кожах и хранился в отдельном помещении в царском Кремле в Истахре (Персеполе). Но пришел нечестивый злодей Александр Румский (Македонский) разорил твердыню Ахеменидов и сжег драгоценные свитки. Правление Диadoхов не благоприятствовало зороастризму: лишь при Аршакидах (250 до н. э. — 224 н. э.) жрецы почувствовали под ногами почву и приступили к собиранию священных текстов.

Авеста.

При Сасаниде Ардашире I (226—241 н. э.) все собранное было кодифицировано, при его преемниках дополнено и старая Авеста была восстановлена в почти первоначальном виде. Однако арабское завоевание нанесло Ирану еще более сильный удар. Страна приняла новую религию, зороастризм подвергся гонению и собранная с таким трудом Авеста снова и на этот раз уже окончательно рассыпалась. Сохранилось только то, без чего не могла обойтись при богослужении небольшая кучка персов, оставшихся верными дедовской религии и большей частью выселившихся из Персии в Индию, где они живут и доныне.

¹ Авеста стала впервые известна в Европе под названием Зенд-Авесты, долгое время считали даже возможным язык, на котором она написана, называть «зендским языком». Ныне совершенно точно установлено, что Зенд — значит только «комментарии» к «основному тексту» — Авесте.

Самая история Авесты показывает, что о датировке этого памятника нечего и помышлять. Кодифицированная в несколько приемов из обломков старых текстов она представляет столько разных наслоений, что говорить о ней, как о чем-то целом и едином не приходится. Все что можно сделать — это только отделить более старые части от позднейших наслоений, что до известной степени уже и выполнено в настоящее время западными учеными. Древнейшей ее частью единогласно признаны так называемые «гаты» — песнопения, автором которых признают самого основателя религии Заратуштру. Сомневаться в том, что Заратуштра личность вполне историческая отнюдь не приходится. Несмотря на наслоения легенд и ореол чудесного, которым окружила его позднее фантазия верующих, образ его как реального живого человека вполне ясно обрисовывается из древнейшей части Авесты. Мы видим человека, совершенно исключительного и по дарованию и по грандиозности замыслов, но все-таки это только человек, не чуждый человеческих страданий, сомнений и слабостей. И все же, признавая реальность Заратуштры, мы лишены какой бы то ни было возможности, хотя бы приблизительно датировать эпоху его деятельности. Традиция зороастрийцев относит его к VII веку д. Р. X. Европейская наука считает эту дату слишком поздней и признает необходимость отодвинуть ее значительно вглубь веков, но точных данных для этого доньше нет никаких.

Приписываемые Заратуштре гаты — мерная речь, стихи. Можно предполагать, что они представляют собой своего рода заключение прозаической проповеди, предшествовавшей им и более обстоятельно развивавшей затрагиваемые ими темы. Однако, это стихи лишь по внешней форме и впечатления поэтического произведения они на нас почти не производят. Полное отсутствие художественных образов, крайняя сухость и отвлеченность содержания, сопровождаемые запутанным и искусственным построением фразы, делают их весьма затруднительными для понимания и довольно скучными и не интересными. Заратуштра — выдаю-

щийся деятель, но поэтического дарования у него безусловно не было. Правда, отдельные строки производят весьма сильное впечатление — это те места, где исчезает проповедник и появляется страдающий человек, сомневающийся в успехе своего начинания, терзаемый сознанием своей слабости:

«В какую землю бежать, куда бежать я пойду?

Удаляют меня от воинов и жрецов,

Не утешает меня община.

Не принимают приверженные друждам тираны в стране...

... Знаю я то, Мазда, от чего я бессилен:

Мало у меня стад и мало людей». (Ясна, 46).

Но таких мест очень мало и большая часть гат представляет только лингвистический и исторический интерес. Нужно заметить, что донныне метрическая система гат изучена довольно слабо: нам ясен самый принцип построения стиха, основанного на счете слогов, но, помимо сего, долгота и краткость слогов в этих стихах тоже играли роль, нам пока не известную. Быть может, со временем это удастся выяснить и тогда станет более понятной искусственная расстановка слов в строке, в настоящее время звучащая для нашего уха крайне сухо и неприятно.

Гаты составляют всего лишь небольшую часть одного из отделов Авесты, в ее современном виде распадающейся на следующие части: 1) Ясна — краткие молитвословия, употребляемые при богослужениях (в эту часть входят гаты), 2) Яшты — более длинные песнопения, обращенные к отдельным божественным силам и содержащие восхваление их и славословия (некоторое подобие православных акафистов), 3) Висперед — литургия на особые праздники и 4) Видевдат (обычно неточно называемый Вендидад) — «против девов¹ данный» кодекс церковных законов, lex sassa древнего Ирана. Выше мы упоминали, что самому Заратустре могут быть, (и то под сомнением), приписаны только гаты. Авторами остальных частей является духовенство, состав-

¹ Девы — злые духи в религии Заратустры.

влявшее в Иране крайне могущественное, вполне замкнутое и обособленное сословие. Оно было, по всей вероятности, главным носителем образования в стране, искусство читать и писать составляло их главную привилегию и широкое распространение среди мирян вряд ли имело. Оно делилось на разные ранги, со строго определенными и разграниченными функциями и деятельности его приходится приписывать возникновение всех остальных частей Авесты. В более древнюю эпоху, когда священный язык Авесты еще жил и был хорошо известен жрецам, их творчество облекалось в метрическую форму и создавало подчас довольно величавые и поэтические образы; но, с течением времени, язык забывался все более и более, потомки жрецов уже не понимали значения священных текстов и лишь бессмысленно бормотали их во время литургий. Создавать новые произведения они все же считали необходимым и таким путем возникли те части Авесты, которые западная наука называет *младшей* Авестой. Это почти совершенно лишенные смысла нагромождения обрывков фраз из более старых частей, нелепый и беспомощный лепет, грубо нарушающий все законы грамматики.

Самый состав Авесты показывает причину, почему сохранились именно эти, а не другие, части. Традиция *парсов* (так называют потомков зороастрийцев, исповедующих и ныне религию дедов), сообщает нам оглавление полного, не дошедшего до нас текста — он содержал в себе и мифологию и космогонию и медицину и естественные науки, одним словом, все то, что было известно тогдашнему ученому. Но вырождавшееся жречество перестало интересоваться наукой и философией — совершение треб, вот все, что ему было нужно. Поэтому от Авесты и сохранилось только то, что было необходимо жрецу в повседневной жизни для выполнения его профессиональных обязанностей — молитвы и церковные законы. Отсюда же понятно, что и литературное значение этого памятника не может быть особенно велико — молитвенники обычно историей литературы не рассматриваются. Однако, как уже упоминалось, в древнюю эпоху все-таки